

Как ты отреагируешь, если тот, в кого ты тайно и безнадежно влюблен, вдруг сам признается тебе в чувствах? Дрожь, восторг, кипящая в жилах кровь... Ничего этого у Бай Ичэня не было. Он просто застыл, словно его душа в мгновение ока покинула тело.

Вообще-то он уже приготовился к затяжной осаде и долгой войне за сердце Ань Но. Он даже успел продумать темы для разговоров за ужином, прикидывал, стоит ли составить долгосрочный стратегический план по завоеванию этого мужчины. Ичэнь помнил, что в сентябре следующего года ему нужно будет уезжать в университет, и мучительно размышлял, хватит ли ему оставшихся девяти с половиной месяцев... Все эти мысли роились в его голове, толкаясь и перебивая друг друга. Но когда человек твердо верит, что события пойдут по одному сценарию, и делает для этого всё возможное, а реальность вдруг делает резкий кувырок в противоположную сторону — ступор становится самой естественной реакцией.

Все психологические бастионы, которые Бай Ичэнь так тщательно выстраивал, рухнули. Подсознательно он понимал, что должен ликовать, но вместо этого ощутил лишь безотчетный страх и панику.

«Это... это галлюцинация или я просто сплю?»

— Эй, глупый Сяо Бай, — с легкой улыбкой, в которой сквозила тень беспомощности, вздохнул Ань Но. — Я впервые признаюсь в любви мужчине. Мог бы хоть как-то отреагировать.

— Ань... Ань... — Бай Ичэнь с трудом сглотнул вязкую слюну. — На такое... ты... какой реакции ты ждешь?

Ань Но во все глаза смотрел на этого явно перепуганного мальчишку. Куда делся тот дерзкий Бай Ичэнь, который вчера утром тайком поцеловал его и самонадеянно заявил: «Ты мне нравишься»? Откуда взялся этот простофиля?

Он широко и искренне улыбнулся и, не раздумывая, обхватил лицо Ичэня ладонями. Большой палец нежно скользнул по его сухим губам. Бай Ичэнь окончательно одеревенел. Поняв намек Ань Но, он вспыхнул так, будто в лицо ему плеснули кипятком; уши мгновенно покраснели, он затушевал взгляд, который стал рассеянным.

— Значит, ты только на словах такой храбрец? — прошептал Ань Но, склоняясь ниже. Его горячее дыхание обжигало губы Ичэня.

— Кто... кто это сказал... — из последних сил сопротивлялся тот, вытягивая шею.

— Вот как?.. — Ань Но мягко накрыл этим вопросом губы Бай Ичэня и с удовлетворением почувствовал, как парень зажмурился.

Поцеловать его!

Эта мысль уже давно преследовала Ань Но. Каждый раз, когда он видел, как Ичэнь спит между столиками в «Пылающем искушении», когда замечал его, изможденного и уснувшего на длинном диване в комнате отдыха, когда парень вбегал с улицы, весь в поту и пропитавшийся тяжелым запахом кухонного гари... Ань Но невыносимо хотелось прижать этого упрямого ребенка к себе. Окутать его теплом, дать почувствовать себя в безопасности, стать для него опорой — и в учебе, и в работе, и в жизни. Сейчас Ань Но ощущал, что это и есть предел мечтаний: тихая, щемящая радость от того, что желаемое наконец сбылось.

Он крепко обнял его хрупкое тело, положив правую руку на затылок и прижав пальцы к сонной артерии. Он чувствовал, как бешено колотится пульс. Ань Но надавил на подбородок Ичэня, заставляя его поднять голову, и поцеловал — глубоко, не оставляя путей для отступления.

Губы Бай Ичэня были чистыми и свежими. Парень дрожал, но отчаянно и преданно прижимался к нему в ответ.

Ань Но чувствовал, как в самом сокровенном уголке его души шевельнулась нежность к этому гордому и ершистому существу. В этот поцелуй он вложил всю свою решимость и мягкость. В этот миг любая ответственность и долг отошли на задний план, позволяя истинным чувствам взять верх. Ань Но закрыл глаза, отбросив лишнее, и просто наслаждался близостью.

Бай Ичэнь чувствовал, как его сердце колотится словно боевой барабан, в глазах всё плыло. Он совершенно потерял связь с реальностью, обмякнув в руках Ань Но. Его тепло, его запах, его губы и язык... Весь мир сузился до одного человека. «Наверное, это и есть счастье, — подумал Ичэнь. — Оказывается, от счастья хочется плакать...»

А-Цзэ говорил, что целоваться — это нечто запредельно прекрасное. Он не врал. Это и вправду было чудесно.

Ань Но смахнул большим пальцем слезу с щеки Ичэня и прижал его к себе еще крепче. Это чувство было для него почти незнакомым — он вдруг осознал, что в душе воцарился полный покой. Все тревоги и сомнения улетучились, оставив место лишь тихой радости.

— Старший брат Ань... — прошептал Бай Ичэнь, уткнувшись ему в грудь. — Мы ведь... теперь всегда будем вместе? Между нами ничего не изменится?

— Конечно, изменится, — рассмеялся Ань Но, слегка отстраняясь, чтобы заглянуть ему в глаза. Он прижался своим лбом к его лбу, касаясь кончиком носа его носа. — Мы же не ели персиков бессмертия у Небесной Царицы. Мы будем стареть... Ну, а всё остальное... остальное останется прежним.

Бай Ичэнь всё еще витал в облаках, не в силах вернуться на землю.

— Стареть?.. — глупо переспросил он. — И что будет, когда мы состаримся?

— Что будет? А то, что ты всё равно будешь готовить мне обед! — Ань Но поднялся и рывком увлек Ичэня за собой, легонько хлопнув его по спине. — Давай, иди на кухню. Я проголодался.

Ичэнь сделал пару шагов в сторону кухни, словно в тумане, но вдруг остановился и вернулся к Ань Но. Он посмотрел на него с предельной серьезностью:

— Значит... старший брат Ань, получается, я тебя всё-таки завоевал?

— Завоевал, завоевал. Это было проще простого, нас ведь разделяла всего лишь тонкая вуаль!
— Ань Но понимал, что парень сейчас слишком ошеломлен, и не грех было слегка подразнить его. Дождаться, когда Ичэнь назовет его «мужем», вряд ли получится, так что можно было хотя бы так потешить свое самолюбие.

Бай Ичэню показалось, что в этих словах кроется какой-то подвох, но он был слишком возбужден и счастлив, чтобы вникать в детали. Главное — он «завоевал» Ань Но!

Он подумал, что ему больше не на что жаловаться. Если все страдания прошлых лет были платой за этот миг блаженного покоя, то эта сделка определенно была выгодной. Бай Ичэнь застенчиво и сладко улыбнулся и скрылся на кухне.

Проводив его взглядом, Ань Но тяжело рухнул на диван и медленно выдохнул.

— Бай Ичэнь, — пробормотал он с горькой усмешкой, — если ты сейчас же не начнешь готовить, я съем на ужин тебя самого...

Действительно, находиться в пустой квартире, на мягком диване, обнимая любимого человека — это было суровым испытанием для его выдержки.

Ань Но поднялся и направился в душ. Проходя мимо кухни, он увидел, как Бай Ичэнь суетится у плиты; его движения были немного скованными, и от этого зрелища Ань Но почувствовал, как пожар в груди сменился волной бесконечной нежности.

Ичэнь обернулся и, сияя улыбкой, взмахнул лопаткой:

— Скоро будем ужинать!

В этот момент Ань Но окончательно понял: когда в доме есть такой человек, этот дом становится настоящим.

Когда Бай Ичэнь выставил на стол четыре блюда, Ань Но стоял на балконе и курил, приоткрыв окно. Он только что вышел из душа; с мокрых волос на тонкую домашнюю одежду падали капли воды. Ткань намокла и плотно облегла его крепкую грудь, а холодный вечерний ветер заставлял его поежиться. В лучах заходящего солнца профиль Ань Но казался отлитым из золота. Бай Ичэня словно прошило током — тонкое пламя азартом пробежало по венам.

Ему вдруг вспомнилась та ночь после возвращения из участка, когда он сидел в душном подвале и представлял себе объятия и тепло Ань Но. Тогда он отчаянно хотел видеть в нем «старшего брата». Теперь это желание казалось ему нелепой шуткой.

Разве может младший брат испытывать к старшему такие странные, будоражащие чувства?

Как же он обманывал сам себя! Прятался за ширмой «братской любви», принимая ее за реальность, и чуть не упустил любовь всей своей жизни. Бай Ичэнь был благодарен судьбе за то, что в этом бесконечном круговороте лиц и теней он всё же не прошел мимо.

Он завороженно смотрел на эту высокую фигуру. Наверное, он любил его еще с той самой первой ночи.

Услышав шум, Ань Но обернулся и, увидев застывшего у стола Ичэня, затушил сигарету. Он подошел к нему своей обычной ленивой, шаркающей походкой. От этого знакомого образа у Ичэня потеплело на душе: это был его Ань Но.

Ань Но сел за стол и, не церемонясь, взялся за палочки.

— Как вкусно! — приговаривал он, кивая. — Бай Ичэнь, мне с тобой сказочно повезло.

На самом деле ужин получился посредственным. Если бы шеф-повар «Цзюсяна» попробовал это творение своего ученика, он наверняка в ярости запустил бы в него тесаком — зря, что ли, он так старательно передавал ему свое мастерство? Но... кому до этого было дело?

Этот вечер был слишком прекрасен, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как вкус еды. К тому же, зная кулинарные способности самого Ань Но, любое мало-мальски прожаренное и в меру соленое блюдо казалось ему верхом совершенства. Он с аппетитом опустошил все тарелки, не оставив даже подливки.

Бай Ичэнь вызвался мыть посуду сам. Его аргумент — Ань Но провел за рулем сутки и смертельно устал — звучал логично, но на самом деле он просто не доверял Ань Но тарелки. Разбить посуду — полбеда, а вот бежать ночью за пластырем совсем не хотелось. Закончив дела на кухне, Ичэнь вдруг столкнулся с серьезной проблемой.

«Где... где я буду спать сегодня?»

Он бросил взгляд на гостевую комнату. Постель там была мягкой и уютной, но спать там не хотелось совершенно. Честно говоря, он не хотел спать ни в одной кровати, где не было бы Ань Но. Только рядом с ним он чувствовал себя по-настоящему спокойно. Эта мысль, едва возникнув, вспыхнула в сознании ярким пламенем, подобно огню в сухой степи.

Ань Но закрыл окно и, заметив замершего посреди гостиной парня, удивленно вскинул бровь:

— О чем ты опять задумался?

— Я... ни о чем... Я... я думал, что приготовить на завтрак! — слова вылетели раньше, чем Ичэнь успел их обдумать. Поймав на себе озадаченный взгляд Ань Но, он виновато опустил голову. Ладно, не впервой ему выставлять себя дураком.

Ань Но видел, как лицо Ичэня снова заливается краской. Ему казалось, что на макушке у парня вот-вот закипит вода. «И как он может быть таким милым?» — подумал Ань Но. Твердый как бамбук, стойкий как сосна, верный как подсолнух, но стоит к нему прикоснуться — и он превращается в крохотную мимозу, прячущуюся от любого касания. К счастью, этот колючий и нескладный мальчишка теперь принадлежал ему.

Бай Ичэнь пробормотал, что пойдет в душ, и попытался поскорее улизнуть. В последние дни Ань Но постоянно помогал ему мыться, и сейчас он по привычке направился следом за парнем. Ичэнь не ожидал, что окажется в еще более неловкой ситуации. Ань Но с лукавством наблюдал за ним, гадая, до какого предела может покраснеть его лицо.

— Старший брат Ань, я... я сам справлюсь, — выпалил Ичэнь и с грохотом захлопнул дверь ванной.

«Что делать, что делать, что делать?»

Он метался по ванной. В голове всплывали картинки, которые он когда-то видел в сомнительных книжках; тогда они вызывали лишь любопытство, но сейчас, когда на месте героев он представлял Ань Но, его пульс зашкалил. Ичэнь с ужасом понял, что... он действительно возбужден. Он лихорадочно включил холодную воду, надеясь сбить этот жар — не дай бог Ань Но увидит его в таком состоянии. От спешки он не успел отстраниться, и ледяные струи ударили ему прямо в лицо. Вскрикнув, Ичэнь попытался увернуться и дотянуться до крана, что в тесной душевой кабине оказалось задачей не из легких.

Ань Но стоял за дверью. Он беспокоился за раны на спине Ичэня и, услышав шум, без раздумий ворвался внутрь. Ванная была наполнена холодными брызгами. Бай Ичэнь забился в угол, стараясь уклониться от воды и одновременно нащупать вентиль.

«Ты точно притягиваешь неприятности, Бай Ичэнь!» — пронеслось в голове у Ань Но. Надо же было умудриться устроить такое... зрелище, наводящее на самые грешные мысли.

Он быстро отрегулировал температуру воды и схватил Ичэня за руку, вытягивая его из угла:

— Иди сюда, я помогу.

Ань Но зачесал его мягкие волосы назад, открывая чистый лоб. Без челки, в облаке водяного пара, глаза Ичэня казались еще ярче. Ань Но обхватил его лицо ладонями, замороженно глядя в эти глаза; на мгновение он словно провалился в них. Еще тогда, у входа в «Пылающее искушение», он попал в плен этого взгляда и так и не смог освободиться.

Он замер. Ань Но не хотел торопиться. Для него Бай Ичэнь всё еще был ребенком, которого хотелось окружить любовью и нежной заботой. Разумеется, он желал его — желал обладать им и душой, и телом, сделать частью себя. Одному небу известно, скольких усилий ему стоило сдерживаться всё это время, не целовать его, не прикасаться... Но он хотел, чтобы их первая близость случилась в атмосфере абсолютной искренности, доверия и красоты. А сейчас один из них был покрыт шрамами, а жизнь другого была соткана из лжи.

Почувствовав, что Ань Но колеблется, Ичэнь отбросил все сомнения. Он сделал шаг вперед и крепко обнял мужчину за талию, прижимаясь всем телом и пропитывая его одежду водой.

Он не хотел отпускать его.

Если любовь — это готовность отдать всё без остатка, то Бай Ичэнь был счастлив вручить свою душу и тело в руки Ань Но. Он был готов забыть о гордости, упрямстве и самоуправстве.

Лишь бы этот человек принял его дар.

И пламя снова взметнулось до небес. В тишине ванной слышался лишь треск воображаемых искр. Он потерял рассудок, чувства обострились до предела. Переплетение губ и языков, скольжение пальцев по разгоряченной коже... С плеч Ань Но упала одежда, а душа Бай Ичэня устремилась ввысь.

Ичэнь не мог подобрать слов для своих ощущений. В этой неистовой дрожи он смотрел на Ань Но — на этого мужчину, похожего на хищного барса. На того, кого он видел окровавленным в темном переулке, на того, чья холодная решимость заставляла содрогаться других.

Он любил его.

Словно утомленная птица, нашедшая свой лес, или опавший лист, коснувшийся родной земли — всё наконец обрело свое место.

Ань Но прислонился спиной к прохладной кафельной стене, прижимая к себе дрожащего парня. Прошло совсем немного времени, и ему показалось, что плитка за спиной раскалилась, будто ее только что достали из печи.

Бай Ичэнь готов был задохнуться в его объятиях от переполнявших его чувств.

Одной рукой Ань Но поддерживал Ичэня, а другой снял со стены лейку душа. Мальчишка весь взмок, прежнее купание пошло насмарку, нужно было ополоснуться. Он убавил напор и осторожно, стараясь не задеть заживающие раны на спине, смыл с него пот и остатки напряжения.

В этот миг Ань Но вдруг понял, что все его поиски окончены. Возможно, он принял это задание, приехал в этот город и внедрился в окружение Чжэн Жуя только для того, чтобы в один июньский вечер подобрать у дверей бара этого дерзкого, упрямого мальчишку. Это было чудо, которое каждый день приносило ему счастье.

Ичэнь обхватил Ань Но за шею и тихо прошептал ему на ухо:

— Я люблю тебя, старший брат Ань.

<http://bllate.org/book/18167/1760989>